

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-10-78-87

Дата принятия рукописи в печать: 29.10.2026 г.

КУПРЯШИН Виктор Сергеевич,

студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: victorkupryashin@yandex.ru

ПЕТРОВ Артём Антонович,

студент, Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: lordpetrotema@gmail.com

МОИСЕЕНКО Михаил Иванович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры
административного права и процесса,
Санкт-Петербургский университет
Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам
гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий
имени Героя Российской Федерации
генерала армии Е. Н. Зиничева,
Россия, Санкт-Петербург,
e-mail: mmimi1963@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РАМКАХ ЧРЕЗВЫЧАЙНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ НАДЗОР

Аннотация. В настоящей статье авторами исследуется фундаментальная конституционно-правовая проблема, связанная с доктринальным обоснованием и легитимацией масштабной кодификации чрезвычайного законодательства Российской Федерации. Центральным объектом научного анализа выступает авторская концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ) — единого материально-процессуального кодифицированного акта, призванного систематизировать разрозненный массив экстраординарных норм. Целью исследования является комплексное разрешение теоретического противоречия (аксиологического дуализма) между императивом признания прав человека высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ) и необходимостью ситуационного ограничения правового статуса граждан ради спасения населения и защиты конституционного строя (ст. 56 Конституции РФ) в условиях абсолютно всех чрезвычайных ситуаций. В статье подробно обосновывается правовая природа института «чрезвычайного надзора» органов прокуратуры (ст. 129 Конституции РФ) как ключевого оперативного

филтра, замещающего традиционный судебный контроль непосредственно в момент действия чрезвычайной ситуации. Основным результатом исследования стала разработка и легитимация модели отложенного (последующего) судебного контроля, который переносится на пост-экстраординарный период ради обеспечения физической безопасности судей, участников процесса и исключения бюрократических проволочек, влекущих потерю человеческих жизней. Авторами доказано, что итоговый конституционный контроль за применением ЧПК РФ должен быть возложен на Президента Российской Федерации как гаранта Конституции. Разработанная концепция позволяет полностью ликвидировать правовые «белые пятна», преодолеть коллизии чрезвычайного законодательства и устранить деструктивный страх должностных лиц перед принятием волевых и нестандартных решений в условиях дефицита времени.

Ключевые слова: чрезвычайно-процессуальный кодекс, прокуратура, Конституция, конституционное право, кодификация законодательства, чрезвычайный надзор, ограничение прав, право на жизнь, Президент Российской Федерации, отложенный судебный контроль.

Для цитирования: Купряшин В. С., Петров А. А., Моисеенко М. И. Пределы ограничения конституционных прав граждан в рамках чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации: правовые гарантии и чрезвычайный надзор // Образование и право. 2026. № 10. С. 78–87.

KUPRYASHIN Viktor Sergeyevich,

*Student, Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of
Natural Disasters,
named after Hero of the Russian Federation,
Army General E. N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia*

PETROV Artyom Antonovich,

*Student, Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of
Natural Disasters,
named after Hero of the Russian Federation,
Army General E. N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia*

MOISEENKO Mikhail Ivanovich,

*Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at
the Department
of Administrative Law and Process,
Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence,
Emergencies and Elimination of Consequences of
Natural Disasters,
named after Hero of the Russian Federation,
Army General E. N. Zinichev,
Saint Petersburg, Russia*

LIMITS ON THE RESTRICTION OF CITIZENS' CONSTITUTIONAL RIGHTS WITHIN THE EMERGENCY PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL SAFEGUARDS AND EMERGENCY SUPERVISION

Annotation. In this article, the authors explore a fundamental constitutional and legal problem related to the doctrinal justification and legitimization of a large-scale codification of the emergency legislation of the Russian Federation. The central object of the scientific analysis is the authors' concept of the Emergency Procedure Code of the Russian Federation (EPC RF) — a unified substantive and procedural codified act designed to systematize a fragmented array of extraordinary norms. The purpose of the study is a comprehensive resolution of the theoretical contradiction (axiological dualism) between the imperative of recognizing human rights as the supreme value (Article 2 of the Constitution of the RF) and the need for situational restriction of the legal status of citizens for the sake of saving the population and protecting constitutional order (Article 56 of the Constitution of the RF) under conditions of absolutely all emergencies. The article substantiates in detail the legal nature of the institution of "emergency supervision" of the prosecutor's office (Article 129 of the Constitution of the RF) as a key operational filter that replaces traditional judicial control directly during the period of an emergency. The main result of the study was the development and legitimization of a model of deferred (subsequent) judicial control, which is transferred to the post-extraordinary period to ensure the physical safety of judges and participants in the process and to eliminate bureaucratic delays resulting in the loss of human lives. The authors prove that the final constitutional control over the application of the EPC RF must be vested in the President of the Russian Federation as the guarantor of the Constitution. The developed concept allows for the complete elimination of legal "blind spots," the overcoming of conflicts in emergency legislation, and the removal of the destructive fear of officials before making strong-willed and non-standard decisions under time constraints.

Key words: emergency Procedure Code, prosecutor's office, Constitution, constitutional law, codification of legislation, emergency supervision, restriction of rights, right to life, President of the Russian Federation, deferred judicial control.

For citation: Kupryashin V. S., Petrov A. A., Moiseenko M. I. Limits on the restriction of citizens' constitutional rights within the emergency procedure code of the Russian Federation: Legal safeguards and emergency supervision. *Education and law*. 2026;(10):78–87. (In Russ.).

Введение

Динамика современных геополитических, техногенных, природных и гибридных вызовов предъявляет принципиально новые требования к гибкости, оперативности и системной монолитности государственного аппарата Российской Федерации. В условиях перманентной трансформации угроз национальной безопасности традиционные, ординарные правовые режимы демонстрируют объективную ограниченность. Действующее чрезвычайное законодательство России характеризуется крайней степенью фрагментарности, дисперсности и децентрализации. Нормативные массивы, регулирующие правоотношения в периоды чрезвычайного, военного положения, а также при ликвидации масштабных катастроф, рассредоточены по десяткам федеральных конституционных законов, федеральных законов и подзаконных актов. Подобная дезинтеграция нормативного материала неизбежно порождает глубокие межотраслевые коллизии, двусмысленность толкования и системные правовые «белые пятна». На практике правовая неопределенность экстраординарных режимов приводит к наиболее опасному деструктивному феномену — психологическому и профессиональному страху должностных лиц исполнительных органов и силовых ведомств действовать в нестандартных ситуациях. Опасаясь после-

дующего обвинения в превышении полномочий или нарушении жестких ординарных процессуальных регламентов, сотрудники упускают критическое время. Прямым следствием таких бюрократических проволочек становятся необратимые потери и упущенные человеческие жизни. Выходом из данного затаянного доктринального и практического тупика призвана стать предлагаемая нами концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации (ЧПК РФ). Данный кодекс задуман нами не просто как очередной нормативный акт, а как комплексный, сквозной кодифицированный федеральный закон, объединяющий основы материального и процессуального чрезвычайного права подобно классическим межотраслевым связкам уголовного и гражданского законодательства, однако реализующий эту интеграцию в предметном поле единого источника права. ЧПК РФ должен стать универсальным, предельно понятным и доступным «операционным алгоритмом», опираясь на который любое должностное лицо в любой нештатной ситуации сможет мгновенно сориентироваться, принять законное решение и спасти людей до получения прямых указаний от вышестоящего руководства. Настоящая статья посвящена исключительно конституционно-правовому измерению данной кодификации, определению пределов ограничений прав граждан и легитима-

цией чрезвычайных полномочий органов власти через призму Основного Закона страны.

Теоретические основы и методы исследования

Методологический фундамент настоящего исследования базируется на системе общенаучных и специальных юридических методов, обеспечивающих объективность и глубину теоретических обобщений. В качестве базового доктринального основания нами использована концепция конституционного аксиологического дуализма и классическая теория государственной необходимости. Диалектический метод позволил исследовать внутренние противоречия между статичным характером правовых гарантий личности и динамической природой экстраординарных угроз государственности. Метод системно-структурного анализа применен для обоснования макроструктуры чрезвычайного законодательства и доказательства необходимости его интеграции в единый кодифицированный супер-акт (ЧПК РФ). Важнейшее значение в работе имеет формально-юридический метод, с помощью которого осуществлен критический анализ нормативного содержания статей 2, 55, 56 и 129 Конституции РФ. На основе сравнительно-правового метода была сопоставлена природа ординарного судебного контроля и предлагаемого нами института прокурорского чрезвычайного надзора. Наконец, метод юридического моделирования позволил сконструировать непротиворечивую модель отложенного судебного контроля и систему президентского конституционного фильтра, исключающую риски разбалансировки государственного механизма.

Аксиологический дуализм статей 2 и 56 Конституции РФ

В конституционном праве соотношение статьи 2 и статьи 56 Конституции РФ образует фундаментальную доктринальную коллизию между эксплицитным признанием человека высшей ценностью и необходимостью защиты государственного суверенитета в чрезвычайных условиях. Противоречие выражается в аксиологическом дуализме, где императивная норма о безусловном приоритете прав личности (ст. 2) вступает в иерархический конфликт с ситуационным регулятором (ст. 56), легитимизирующим временное ограничение правового статуса граждан ради сохранения самого государственного института. Научное разрешение данного парадокса базируется на принципе пропорциональности и концепции государственной необходимости, согласно которым временное ограничение прав трактуется не как их отрицание, а как вынужденный стратегический инструмент спасения конституционного строя, без которого дальнейшая институциональ-

ная реализация и защита прав человека становятся невозможными. Осмысление конституционного базиса экстраординарного регулирования требует преодоления дезинтеграции существующих материальных и процессуальных деноминаций чрезвычайного права. Проблематика развертывания скоординированных действий уполномоченных органов упирается в концептуальный вакуум высшего порядка. В связи с этим заслуживает особого внимания позиция, подчеркивающая первичность теоретико-правового ядра: «Фундаментальная проблема начинается с отсутствия четкого конституционного концепта, что создает предпосылки для дальнейшей разобщенности на уровне отраслевого регулирования». [1, с. 134]. Данный тезис наглядно демонстрирует, что без преодоления аксиологических разночтений в рамках самого конституционного права, отраслевые законы обречены на порождение системных противоречий. Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации конструируется нами как нормативное воплощение единой конституционной стратегии, устраняющей упомянутую разобщенность и хаос нормативного планирования. Критерии соразмерности ограничений прав личности государственным интересам безопасности верифицируются в юридической науке через классическую четырех-этапную пропорциональность, требующую одновременного соблюдения легитимности цели, пригодности, необходимости и сбалансированности вводимых мер. Ограничение признается правомерным, если оно направлено исключительно на защиту конституционно значимых ценностей (легитимная цель), способно эффективно устранить угрозу национальной безопасности (пригодность), представляет собой наименее обременительное средство из всех возможных альтернатив (необходимость как отсутствие более мягких мер), а приобретаемое общественное благо по своему масштабу явно перевешивает тяжесть наносимого правовому статусу личности ущерба (пропорциональность в узком смысле). Мы убеждены, что в момент развертывания любой нештатной ситуации (будь то масштабная катастрофа, теракт или вооруженный конфликт) право абсолютно всех людей (включая граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства) на жизнь и физическую безопасность стоит неизмеримо выше любой процедурной бюрократии. Если для спасения населения требуется незамедлительное ограничение отдельных правомочий, любые формальные юридические вопросы и споры должны быть сознательно перенесены на более поздний период — когда никому не будет угрожать непосредственная смертельная опасность. Рассматривая правовую природу ограничений, необходимо

учитывать их полифункциональное назначение. «Ограничение как особое средство воздействия на общественные отношения может выполнять несколько функций. Прежде всего, оно является основной формой государственного принуждения, в силу чего возможна реализация юридической ответственности, которая также представляет собой ограничение основных прав человека, в чем проявляется карательная функция ограничений. Кроме того, ограничения могут выполнять превентивную функцию, направленную на сдерживание распространения определенных угроз или неправомерного поведения субъектов. Помимо этого, ограничение носит стимулирующий характер, заставляя государства разрабатывать меры реагирования на нестандартные ситуации, которые могут появиться в будущем. Но при этом надо учитывать положения конституционного законодательства, которое четко устанавливает предельность ограничений путем обозначения целей его введения, принципов установления и т. д.» [2, с. 56]. Этот доктринальный подход полностью корреспондирует нашей концепции: Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации призван не просто легитимировать государственное принуждение, но и, реализуя превентивную и стимулирующую функции, задать четкие нормативные границы, выход за которые невозможен ни при каких обстоятельствах.

В процессе реализации правоограничительных мер недопустимо скатывание к тоталитарному правопониманию и полному усечению правосубъектности. Любые изъятия из ординарного правового статуса должны опираться на безупречный нормативный фундамент, что напрямую согласуется с устоявшимися доктринальными ориентирами: «Правомерное ограничение конституционных прав возможно лишь при наличии легитимной законодательной нормы, прошедшей процедуру публичного обсуждения, принятой в установленном конституцией порядке и, что особенно важно, доступной для ознакомления и недвусмысленно ясной как для правоприменителя, так и для самого гражданина» [3, с. 139].

В контексте нашей концепции это означает, что Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации планируется как полноценный, стабильный кодифицированный закон, проходящий через все стадии прозрачной парламентской дискуссии в Государственной Думе, что предопределяет его изначальную легитимность и исключает неопределенность содержания для субъектов правоотношений. При этом нормативно-правовые рамки ЧПК РФ строго подчинены конституционным ограничениям. Статья 56 (ч. 3) Конституции РФ содержит императивный запрет на ограниче-

ние прав, предусмотренных статьями 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46–54 Основного Закона.

Разрабатываемый кодекс безусловно гарантирует их абсолютную неприкосновенность; посягательство на данные права или их процессуальный пересмотр в условиях ЧС доктринально исключены, так как это полностью разрушило бы основы правового государства. Ограничения в рамках ЧПК РФ будут касаться исключительно тех прав и свобод, временное сужение которых классически признается допустимым при введении экстраординарных режимов, например, ограничение права на свободный поиск и распространение информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), вводимое с целью пресечения деструктивной паники, умышленной дезинформации и обеспечения режима секретности в зоне проведения спасательных операций. Данные положения отражают общую магистральную тенденцию развития современного конституционализма, где правоограничительная практика государств стремится к системной упорядоченности: «Конституционные положения об ограничениях прав и свобод человека и гражданина являются необходимым элементом современной конституционной регламентации положения личности. В современном мире существует определенная тенденция в конституционном регулировании ограничений прав и свобод личности — все более детальное описание как самих ограничений, так и условий их введения, действия и применения» [4, с. 85].

Единая кодификация в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как раз позволяет реализовать этот тренд, детально зафиксировав материальные условия и строгие процессуальные рамки применения каждого временного ограничения, минимизируя субъективное усмотрение отдельных должностных лиц.

Концепция единого материально-процессуального кодекса (ЧПК РФ)

С точки зрения конституционного права, ключевой порок современного чрезвычайного законодательства заключается в отсутствии генеральной кодификации. Наличие множества разрозненных законов, таких как Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» (в ред. от 02.11.2023), Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» (в ред. от 13.12.2024) и Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (в ред. от 08.08.2024), порождает опасную правовую энтропию. Как справедливо подчеркивается в современных научных исследованиях: «Современная действительность повышает актуальность

изучения правовой природы специальных административно-правовых режимов в контексте вопроса соразмерности вводимых мер, включающих различные формы государственного принуждения» [5, с. 187]. Именно соразмерность принуждения выступает главным критерием его конституционности, а достичь этой соразмерности в условиях хаотичного распределения норм по разным актам невозможно. Обращаясь к сущностным характеристикам экстраординарных административно-правовых режимов, следует признать, что «введение чрезвычайного режима позволяет установить особый порядок функционирования общества, ограничить определенные права и свободы граждан, а также предоставить дополнительные полномочия государственным органам для управления ситуацией. Это может включать в себя введение комендантского часа, временное ограничение передвижения, запрет на проведение массовых мероприятий и другие меры. Однако использование чрезвычайного режима должно быть обоснованным и соответствовать принципам законности, необходимости и пропорциональности. Во время чрезвычайного режима государственные органы должны обеспечивать защиту прав и свобод граждан, а также минимизировать негативные последствия для общества» [6, с. 2]. Конкретно эти фундаментальные требования обоснованности, законности и пропорциональности, предъявляемые к любому чрезвычайному режиму, должны быть сквозной идеей всего Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации, пронизывающей каждый его институт и каждую процедуру, чтобы исключить саму возможность произвольного усмотрения при введении комендантского часа, ограничении передвижения или иных чувствительных для населения мер. Особого внимания требует тот факт, что риски существенного ущемления законных интересов субъектов резко возрастают при практической реализации принудительных механизмов в отношении лиц, обладающих специфическим правовым статусом.

Наша научная позиция по данному вопросу полностью коррелирует с выводами современных исследователей: «Анализ научных подходов и судебной практики показывает, что наибольшие конституционные риски связаны с теми мерами административно-процессуального принуждения, которые непосредственно затрагивают свободу и личную неприкосновенность человека, включая доставку, административное задержание и помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих принудительному выдворению за пределы Российской Федерации.

Существенные риски возникают и при при-

менении мер, вмешивающихся в сферу частной жизни и собственности, таких как личный допрос, изъятие вещей и документов, а также различные виды освидетельствования» [7, с. 67]. Чтобы предотвратить превращение этих рисков в системные нарушения прав, Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации берет под особую защиту уязвимые категории лиц в зоне действия экстраординарного режима. Кодекс призван установить исчерпывающий, закрытый перечень оснований и жесткий алгоритм применения мер принуждения как к гражданам России, так и к иностранным гражданам и лицам без гражданства, исключая любой административный произвол в отношении их свободы, собственности и личной неприкосновенности. Важнейшим аргументом в пользу кодификации и создания единых алгоритмов немедленного реагирования выступает характер современных угроз, в частности, экстремистской направленности.

«Нарушения основополагающих прав и свобод граждан, провоцируемые экстремистской активностью, можно сказать, представляют собой наиболее деструктивный и социально опасный результат данного явления, а противодействие этому усложняется наличием многообразных форм экстремистских проявлений, а также необходимостью немедленного и масштабного реагирования на указанные проявления» [8, с. 147]. Чрезвычайно-процессуальный кодекс Российской Федерации, будучи универсальным операционным алгоритмом, позволит уполномоченным органам в условиях, когда счет идет на минуты, действовать на опережение, не дожидаясь многоступенчатых согласований, и тем самым предотвращать наиболее деструктивные последствия экстремистских атак и иных чрезвычайных ситуаций, спасая жизни людей. Наша концепция предполагает создание Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ как единого ядра, стягивающего воедино материальные деликты, основания введения ограничений и четкие процессуальные алгоритмы действий. ЧПК РФ должен обладать статусом кодифицированного федерального закона в своей сфере, по аналогии с Гражданским или Уголовным кодексами. Цель кодификации — собрать концептуальные основы экстраординарного регулирования и выстроить прямые отсылочные связи к профильным законам в области федеральной безопасности.

Это позволит создать монолитный правовой фундамент, исключая коллизии нормативных актов между собой. ЧПК РФ распространяет свое действие абсолютно на все чрезвычайные ситуации, независимо от их природы. Когда закон прост, понятен и кодифицирован, государствен-

ные служащие на местах четко осознают пределы своих прав и обязанностей. Мы подчеркиваем, что создание ЧПК РФ преследует цель не хаотичного ужесточения режима, а, напротив, строжайшего упорядочивания чрезвычайного законодательства. Это фундаментальный законотворческий процесс, который должен пройти все стадии чтений в Государственной Думе без спешки, с детальной проработкой каждого института, чтобы на выходе получить готовый, филигранно выверенный федеральный закон, не требующий бесконечных последующих доработок и оперативно защищающий права граждан.

Конституционная природа «чрезвычайного надзора» прокуратуры

Согласно ст. 129 Конституции Российской Федерации на прокуратуру возложены обязанности по осуществлению надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Поэтому институт «Чрезвычайного надзора» — это не принципиально новые полномочия для прокуратуры, а расширение и так обеспеченных Конституцией прав по защите государства и граждан. Длительное судебное санкционирование в условиях ЧС тормозит все службы и создаёт не нужную бюрократию, что прямо противоречит конституционным обязанностям государственных органов по защите населения.

Все расширенные полномочия прокуроров в рамках ЧПК РФ будут прописаны и полностью соответствовать Конституции Российской Федерации, поэтому коллизии и расхождения с законодательством изначально будут предотвращены за счёт высокого качества закона. В рамках конституционно-правовой дискуссии замена предварительного судебного санкционирования чрезвычайным прокурорским надзором не нарушает конституционный принцип разделения властей, закрепленный в ст. 10 Конституции РФ. Судебная власть по своей природе является инстанцией беспристрастной, но неизбежно процедурной, коллегиальной и сравнительно медлительной.

Возникает закономерный вопрос: каким образом суд физически сможет решать срочные, секундные оперативно-тактические вопросы в условиях жесткой чрезвычайной ситуации в режиме 24/7?

Ответ очевиден — в условиях реальной катастрофы обычные судебные процедуры окажутся парализованы. Более того, перенос верификации и проверок на пост-экстраординарный период продиктован прямой заботой о безопасности самих судей, аппарата судов и остальных участников процесса, которые не должны становиться мишенями в зоне ЧС. Безусловно, мы отдаем

себе отчет в том, что в обычной, не экстраординарной правовой действительности именно судебная система выполняет незаменимую роль фильтра, отсекающего несоразмерные и произвольные вторжения в права личности. Доктрина справедливо подчеркивает: «Граница между правомерным ограничением и фактическим отрицанием, зачастую размыта и подвержена интерпретациям, поэтому так важна роль независимой судебной системы».

Ключевым критерием для определения того, является ли ограничение правомерным или фактическим отрицанием, служит принцип пропорциональности. Ограничение должно быть соразмерным преследуемой цели, то есть необходимо установить баланс между интересами общества и правами конкретного человека» [9, с. 52]. Однако именно в условиях чрезвычайной ситуации, когда сам суд физически не может функционировать в прежнем режиме, а каждая минута промедления грозит гибелью людей, принцип пропорциональности не отменяется, но временно воплощается через иной институциональный механизм — прокуратуру, действующую в режиме чрезвычайного надзора, с обязательным последующим судебным контролем.

Таким образом, прокуратура, функционирующая в рамках централизованной и жестко иерархичной вертикали, берет на себя бремя немедленного «чрезвычайного надзора» за законностью действий исполнительных органов. Все ограничения прав граждан, санкционированные прокурором, носят сугубо временный характер. Полноценный же судебный контроль наступает сразу после официальной отмены соответствующей чрезвычайной ситуации. Принципиально важно, чтобы временный характер вводимых мер не превращался в неопределенно длящийся. В этой связи мы опираемся на фундаментальное положение процессуальной науки: «Любое правоограничение в досудебном производстве является временной мерой, применение которой осуществляется в рамках установленных законом сроков, какая-либо неопределенность в данном вопросе или чрезмерная его длительность может привести к несоразмерности используемых средств и преследуемой цели» [10, с. 141]. Указанный тезис, выработанный применительно к досудебному производству, приобретает универсальное значение для всех правоограничений, вводимых в рамках Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Именно поэтому в структуре Кодекса сроки действия каждой ограничительной меры, равно как и сроки незамедлительного инициирования процедуры судебной верификации после отмены

чрезвычайного режима, должны быть прописаны императивно и не подлежат расширительному толкованию, что полностью исключает неопределенность и гарантирует соразмерность. Конкретные сроки и механизмы реализации этого перехода будут детально регламентированы в самой структуре ЧПК РФ и вынесены за рамки текущей конституционно-правовой дискуссии. Предлагаемый подход не ликвидирует правосудие, а трансформирует его во времени во имя спасения человеческих жизней.

Президентский конституционный контроль в системе ЧПК РФ

Поскольку ЧПК РФ призван регулировать наиболее критические аспекты бытия государства и общества, его функционирование не может быть отдано на откуп исключительно ведомственному регулированию. Архитектурным элементом правовых гарантий в предлагаемой нами модели выступает Президент Российской Федерации. В соответствии с духом и буквой Основного Закона, именно Президент является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, определяющим основные направления внутренней и внешней политики. В системе координат ЧПК РФ Президент РФ осуществляет итоговый, высший конституционный контроль за применением кодекса. Именно к главе государства сходится вся надзорная информация от Генерального прокурора и отчеты органов исполнительной власти. Президент выступает в роли надведомственного арбитра, контролирующего, чтобы применение ЧПК РФ осуществлялось строго в границах, очерченных законом, и исключительно в целях ликвидации угроз национальной безопасности. Это исключает риски перерастания чрезвычайных мер в произвол отдельных ведомств или должностных лиц на местах.

Заключение

Резюмируя проведенное исследование, мы приходим к ряду принципиальных выводов, имеющих фундаментальное значение для науки конституционного права. Разработанная нами авторская концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ (ЧПК РФ) выступает законным, конституционно обоснованным ответом на критическую фрагментарность современного экстраординарного законодательства. Предложенная кодификация полностью устраняет правовой вакуум, ликвидирует межотраслевые коллизии и снимает с должностных лиц деструктивный страх перед принятием решений в условиях ЧС, что в конечном итоге позволяет избежать упущенного времени и спасти человеческие жизни. Аксиологический дуализм статей 2 и 56 Конституции РФ научно разрешается в пользу признания абсолютного материального

приоритета права человека на жизнь и безопасность над формальными процессуально-бюрократическими регламентами ординарного периода.

Институт «чрезвычайного надзора» прокуратуры органично вытекает из ст. 129 Конституции РФ, а перенос традиционного судебного контроля на пост-экстраординарный период (после отмены режима ЧС) полностью оправдан соображениями оперативности государственного управления и защиты самих представителей судебной ветви власти. Высшим гарантом законности применения ЧПК РФ выступает Президент Российской Федерации, осуществляющий итоговый конституционный контроль за функционированием всей системы чрезвычайного реагирования. Принятие ЧПК РФ позволит перевести чрезвычайное управление в России на качественно новый, системный и безупречный с точки зрения Конституции уровень. Представленная концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса РФ и института «чрезвычайного надзора» прокуратуры является открытой научной платформой для дальнейших доктринальных дискуссий. Мы не позиционируем предложенную модель как догму и отчетливо понимаем масштабность стоящей перед правовой наукой задачи.

Настоящей публикацией мы приглашаем ведущих отечественных ученых-конституционалистов, теоретиков права, а также профильных специалистов-практиков в области национальной безопасности и представителей органов прокуратуры к открытому и всестороннему обсуждению положений ЧПК РФ. Мы полностью открыты к конструктивным предложениям, критике и совместной междисциплинарной работе, направленной на формирование итогового текста кодекса, который ляжет в основу будущей монографии и станет надежным щитом для защиты граждан и государства в любых нештатных ситуациях.

Создание Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации внесет решающий вклад в преодоление тех проблем правового статуса личности, которые сегодня обоснованно выделяются в правовой доктрине. «В настоящее время к актуальным проблемам правового статуса личности можно отнести: гарантии правового статуса личности, недопустимость произвольного ограничения прав и свобод, низкий уровень правосознания и правопонимания у граждан. Немаловажной проблемой правового статуса личности является реальность прав и свобод» [11, с. 72]. Четкая, кодифицированная и внутренне непротиворечивая система чрезвычайных норм, доступная для понимания каждым гражданином, сама по себе выступает мощнейшей гарантией против произвольного ограничения прав. Она повышает уровень правосознания, поскольку делает преде-

лы возможного и должного поведения государства и личности в экстраординарных условиях прозрачными и предсказуемыми, тем самым обеспечивая подлинную реальность конституционных прав и свобод даже в самые критические моменты существования общества и государства.

Список литературы:

[1] Купряшин В.С. Концепция Чрезвычайно-процессуального кодекса Российской Федерации как инструмент систематизации законодательства в сфере обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2026. № 2. С. 133-142.

[2] Колоткина О.А., Ягофарова И.Д. Ограничение прав и свобод человека в условиях новых глобальных вызовов (обобщение опыта пандемии) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 3. С. 55-68.

[3] Сатушиева А.Х., Мурзаканова А.Ю. Конституции ограничивают ограничения прав и свобод граждан в сложившейся государственной безопасности: баланс между теорией правового государства и формой реализации // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 138—143.

[4] Подмарев А.А. Правовые позиции Конституционного Суда России по проблемам ограничения прав и свобод человека и гражданина (практика 2023 г.) // Вестник ПАГС. 2024. № 6. С. 84-94.

[5] Шурухнова Д.Н., Комовкина Л.С. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в условиях реализации специальных административно-правовых режимов // Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С. 187-192.

[6] Кондратьева А.М. Чрезвычайный режим как особый административно-правовой режим // МНИЖ. 2024. № 4 (142). С. 1-4.

[7] Трегубов И.С. Проблемы ограничения конституционных прав личности при применении мер административно-процессуального принуждения // Вестник ВИПК МВД России. 2026. № 1 (77). С. 59-67.

[8] Колоколова М.В. К некоторым вопросам о пределах конституционных прав человека в контексте противодействия экстремистской деятельности // Евразийская адвокатура. 2025. № 5 (76). С. 146.

[9] Ващенко Б. М. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Судебная экспертиза и исследования. 2025. № 4. С. 51-56.

[10] Ткачёва Е.С. Критерии выбора процессуального порядка ограничения конституционных прав личности в досудебном производстве // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 2 (55). С. 137-143.

[11] Юн Л.В., Никонов В.Л., Грачева

К.А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: проблемы и пути их решения // Юридический вестник ДГУ, ДГУ. 2024. Т. 49. № 1 (69). С. 71-77.

References:

[1] Kupryashin V.S. The Concept of an Emergency Procedural Code of the Russian Federation as a Tool for Systematizing Legislation in the Sphere of Ensuring National Security // Education and Law. 2026. No. 2. pp. 133–142.

[2] Kolotkina O.A., Yagofarova I.D. Restriction of Human Rights and Freedoms in the Face of New Global Challenges (Generalizing the Experience of the Pandemic) // Scientific Notes of Kazan University. Humanities Series. 2024. Vol. 166, Book 3. pp. 55–68.

[3] Satushieva A.Kh., Murzakanova A.Yu. Constitutions Limit the Restriction of Citizens' Rights and Freedoms in the Context of State Security: A Balance Between the Theory of the Rule-of-Law State and the Form of Implementation // Public Service and Personnel. 2026. No. 1. pp. 138–143.

[4] Podmarev A.A. Legal Positions of the Constitutional Court of Russia Regarding the Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms (2023 Practice) // Bulletin of the Povolzhye Institute of Management (PAGS). 2024. No. 6. pp. 84–94.

[5] Shurukhnova D.N., Komovkina L.S. Ensuring Human and Civil Rights and Freedoms During the Implementation of Special Administrative-Legal Regimes // Bulletin of Economic Security. 2024. No. 5. pp. 187–192.

[6] Kondratyeva A.M. The Emergency Regime as a Specific Administrative-Legal Regime // International Research Journal (MNIZh). 2024. No. 4 (142). pp. 1–4.

[7] Tregubov I.S. Issues Regarding the Restriction of an Individual's Constitutional Rights During the Application of Administrative-Procedural Coercive Measures // Bulletin of the VIPK of the Russian Interior Ministry. 2026. No. 1 (77). pp. 59–67.

[8] Kolokolova M.V. On Certain Issues Concerning the Limits of Constitutional Human Rights in the Context of Countering Extremist Activity // Eurasian Advocacy. 2025. No. 5 (76). p. 146.

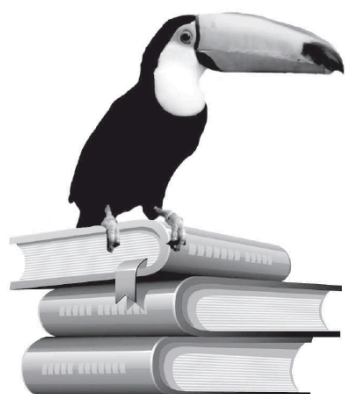
[9] Vashchenko B.M. Constitutional and Legal Foundations for Restricting the Rights and Freedoms of Humans and Citizens in the Russian Federation // Forensic Expertise and Research. 2025. No. 4. pp. 51–56.

[10] Tkacheva E.S. Criteria for Selecting the Procedural Order for Restricting an Individual's Constitutional Rights During Pre-trial Proceedings // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Russian Interior Ministry. 2024. No. 2 (55). pp. 137–143.

[11] Yun L.V., Nikonov V.L., Gracheva

K.A. Restriction of the Rights and Freedoms of Humans and Citizens: Problems and Potential

Solutions // Legal Bulletin of DSU (Dagestan State University). 2024. Vol. 49. No. 1 (69). pp. 71–77.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.